

Александр
ПАВЛОВ

СНЕГ на болоте

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

УДК 821.161.2
ББК 84(4Укр)6
П12

*Автор выражает глубокую благодарность
Александру (Лесю) Кобенко, добрыми деяниями которого
стало возможным издание этой книги*

В оформлении книги использованы рисунки
М. Утрилло, Ж. Брака, П. Пикассо, К. Малевича, А. Павлова

Редакторы:
Мэри Либина, Людмила Свершкова

Павлов А.

П12 Снег на болоте / А. Павлов. — СПб. : Алетейя, 2011. — 815 с. — (Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы).

ISBN 978-5-91419-442-7

Книга известного киевского художника — о судьбах украинской интеллигенции в XIX–XX–XXI вв. Спектр наблюдения автора широк и интересен. Книга необычна ярко-образной трактовкой событий, передачей ощущений, значимых явлений; обладает качествами высокой литературы и, несомненно, представит интерес для широкого круга читателей. Особую значимость появление такого оригинального труда приобретает сейчас, когда идет осмысление путей становления украинской культурной идентичности, возрождения украинской духовности и вклада их в общемировую культуру.

УДК 821.161.2
ББК 84(4Укр)6

ISBN 978-5-91419-442-7

9 785914 194427

© А. Павлов, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

Памяти Ивана Кавалеридзе

Седой рыхлый туман мрел у мертвенно-синего края земли. Игольчатая изморозь иззубрила контуры оползших белых царств. Снег таял на осклизлых пролежнях болот. Миражи пустынь, миражи пучин тонули в стонущих хлябях и в черных топях бродящего перегноя. Снег везде — и над завейными рвами, и на белых берегах польней, и на блёстких наледях сугробов.

Падал снег, и люди радовались этому диву. Снег падал на отраженье Небесного Иерусалима в стразовом Днепре, и на купола Печерской Лавры и Святой Софии. Снега сползали со зрачков забеленных окон, и ставни рассвета скрывали сиянье ледяных звезд.

Снег шел и за гранью галактик, сплошной и безбрежный вал его пропал в ворсистой слякоти хаоса.

Снега ещё ожидали казни, стоя на коленях, с белыми повязками на глазах, в белых домотканых рубахах. Саваны их стелились до края горизонта.

Две фигуры бредут в круговерти снегов, и холод лижет их тела свежими ожогами. Нам не достало такого снегопада, чтобы мы лишились памяти своего рожденья.

Мы снег на болоте.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Хутор на Полтавщине, где родился Тимофей Вакуленко, назывался Оржицкий, по реке Оржице, он же Безбородьковский, по фамилии прежнего хозяина. После реформы 1861 в хуторе числилась 21 душа, а выкупная ссуда, назначенная Полтавским “губернским по делам присутствием”, составляла 228 р. 46 к.

В 1877 году отец Тимофея, Лукаш Вакуленко, был причислен к разряду крестьян-собственников и стал владельцем небольшой усадьбы с хатой, укрепленной в углах, с выгоном для скота и полями для посева гречки и пшеницы. До этого он обрелся при имении, обласканный старым барином за способности к начертанию орнаментов, росписей и узоров.

В том же барском доме находились две сестры-сироты. Старшая Юзефа рано лишилась отца, ссыльного поляка Тадеуша Квятковского, задавленного опрокинутыми санями с дровами. Мать её едва не замёрзла в лесу в лютые холода 1856 года. Простуда ещё долго давала о себе знать, и только через 16 лет родила она девочку Кильну, от брака с крестьянином Рябоваленко, бывшем её на 26 лет старше. Пережив его на два года, она, мучимая недугами, на смертном одре умолила барыню довести девочек до ума-разума.

Кильне сосватали Лукаша. Жених охотно вступил в брак, который благословил протоирей, хотя земля полнилась слухами о том, что, служа горничной и будучи милой по миловидной внешности своей и умению держаться на домашней сцене, Кильна Квятковская (от фамилии Рябоваленко она отказалась) шалила с молодым барином, приезжавшим на каникулы. Лукаша мало заботили пересуды, впрочем, как и полевые работы по кошению трав и вспашке толочных земель, градобитие или великая сушь. Ему по душе было ездить по хуторам и сёлам, собирая подделки народных умельцев, крестьянских рукодельников. Эта коллекция и его собственные художества были изданы впоследствии отдельным альбомом под заголовком “Малороссийские вышивки, а также орнаменты, рекомендованные для изготовления в текстильной промышленности”.

Юзефу выдали замуж за Николая Владиславовича Тимофеева, определённого телеграфистом 3-го разряда в городке Корсунь Каневского уезда Киевской губернии. У него было открытое лицо, светлые волосы, в которых почти незаметна была проступающая седина. Пушистые усы скрывали верхнюю губу, отчего нижняя казалась всегда поджатой. Его отличали живой взгляд из-под очков в узкой позолоченной оправе, всегда белый стоячий воротничок, тщательно вычищенный мундир и штiblеты. Ведь небрежность в одежде выдаёт неряшливость души. Почитал возможным указать собеседнику ради его же пользы на изъяны в платье, дурной запах изо рта, привычки, вредящие в обществе. Без почты и железной дороги, полагал Николай Тимофеев, зачахла бы человеческая мысль и всякая прочая жизнедеятельность. Каждое письмо — маленький роман, отражение времени и примет бытия, в каждом своя тайна и свой стиль. Сотни людей вручали ему свои откровения, и он не мог обмануть их доверия. Ничего не было отраднее точности, с какою всё сбывается своевременно, и надо стараться не нарушать порядков. Он ощущал сладость власти, вручая сообщения, разом меняющие жизнь клиента. И разве не чудо беспроволочный телеграф или фаршальтер?

Жили они около двухклассной школы, в простой хате. Стены, мазанные глиной и беленые, окна низенькие, не открывающиеся, с мутными стеклами. Комнаты темные, старые, с запахом земляного пола и кухонного чада. На стенах фотографии уманского “мастера света” Фридмана, чуть выцветшие от сырости, на малиновом ковре — две скрещенные сабли. Приходили гости — акцизный Респринцев, дякон Чумак и домовладелец Зарецкий. Телеграфист Конончук растягивал гармонь, срывал в пляс знакомых Юзефы — сизооких грациозных панночек. А на обед был борщ, красный от помидоров.

Николая Владиславовича уже приглашали для игры в винт в компании лесничего, земского врача и прокурора. Считалось, что должность начальника почтово-телеграфной конторы ему обеспечена после ухода нынешнего, добряка Скоробогатого, сбившегося с круга.

Род свой он вёл от казацкой старшины. От жены Юзефы в семье был культ польской шляхты: говорили по-польски, польские женщины слыли самыми красивыми, а мужчины — самыми блестящими и отважными воинами в мире. В ней угадывался старинный род: лишь череда поколений может одарить столь нежным овалом лица, манящим затаенным взглядом из-под припухших век, достоинством жеста. И гордостью — сродни той, что некогда побуждала польку Марию Валевскую отказывать в свидании императору Наполеону. И умением одной лишь деталью, а то и без всяких видимых усилий замечательно преобразить одежду, что всегда на ней имела благородный вид.

“Эта женщина опрокинула свои часы циферблатом к небу, забыв о времени земном, видя в нем отражение вечности”, — записал в своем дневнике её обожатель штабс-капитан Коназ, командовавший небольшим гарнизоном под Богуславом. Всю незаурядность своей природы обратила она, однако, на чадорождение и упрочение положения мужа в обществе. Юзефа рано поседела и в юности усвоила привычку к курению.

С промежутком в два года она произвела на свет дочерей — на диво разных — Олесю, старшую, и Катажину, которую упорство окружающих обратило в Катерину, Катрусю, Катеньку. Больше детей у неё не было.

Олеся обещала быть крупной, черты предков проглядывали в романской смуглости. Намечалась дородность стана, сдобность груди и рук. Плечи были словно созданы для любования на балу. Роскошные волосы она гладко зачёсывала назад и наворачивала в узел. Катерина росла хрупкой, тонкой и мелкокостной. Пух-

лое личико обрамляли редкие кудряшки, под которыми на лбу скрывались прыщички. Серые глаза не круглились, как у сестры, разрез их напоминал о татарском владычестве. Олеся смотрела на мир тёмным глубоким взором властно и спокойно, Катерина глядела исподлобья, уставясь, часто насмешливо и сострадательно. Обе питали провинциальную страсть к украшениям, пусть и стекляшкам или дешевым поделкам. Олеся зрела, естественно вбирая краски мира, Катерина же миру не доверяла. В ней природа прятала свои капризы. — О, это будет недурственная штучка, — многозначительно говорили окружающие.

Когда Олесе минуло 16, к ней посватался Ефим Авраамович Михайлов, из выкrestов, вдовец 36 лет. Юзефа едва заставила себя дать согласие на брак — для неё он был торгашом, всего лишь буфетчиком на железнодорожной станции Рени в российской Бессарабии, хотя и именовался акционером. Был жених хил, малоросл и дурен лицом. С пробивающейся лысиной в курчавых волосах, подвижный, а смуглостью своей он казался Олесиним родственником. В характере его имелись основательность и ответственность за свои поступки. Детей от первого брака у него не было. В Олесе он разглядел истинную хранительницу домашнего очага. Приданое её умещалось в бомбете, но разве она сама, юная и свежая, не стоила любого приданого?

Жить они собирались в казённой квартире пограничного города, неподалеку от станции. — Это на берегу Дуная, — рассказывала всем Олеся. — За ним видна Румыния. — В самом городке снует много молдаван в расшитых рубашках и румын в высоких шапках из овечьей шерсти.

Свадьба прошла скромно, даже поспешно. Молодые отбыли. От брака родилась дочь Анна.

Как раз в это время появился на свет и первенец Килыны.

Тимофей родился в тесной комнате с запотевшим окном, вид из которого охватывал зеркальные воды, лоскутные поля, тянущиеся до горизонта. Там гряда туч в короне белых облачков вдруг задержалась мятущейся мутью. Польшали молнии, по небу грохотали громовые перекааты. — Не смотри на молнии, — предостерегала роженицу повитуха, — не то быть твоему дитяти бродягой. — Порывы тёплого ветра доносили запахи многотравья, особенно полыни и мяты. Наискосок, через стволы акаций виднелась гребля, ещё грязная от весеннего половодья, размыкающая гладь большого озера на два пруда. Отлогие берега пестрели следами скота и птицы. Другое окно выходило в палисадник. Видны были двор, ворота, загон для коней, кладбище и капличка. Около окна стояла кровать с железными полосами вперехват, на которой летом спала баба Настя, мать Лукаша.

— Мальчик родился в рубашке, — возвестила повитуха.

Лукаш вышел во двор и возблагодарил небо в молитве. Блёткость тумана после дождя делала степь похожей на ризу священника. Младенца уложили в люльку, подвешенную на длинных верёвках к потолку.

Убранство горницы отражало вкусы обитателей. В расписных сундуках хранились простыни и полотенца, с затейливыми именными вензелями, с вышитыми нежными пожеланиями доброго утра и смирения перед Богом. На высоких кроватях поверх кружевных покрывал лежали “саше”, носовые платочки с инициалами хозяев, надушенные пачулиями. Наволочки пуховых подушек были вышиты болгарским крестом или рিশелье под трафарет с видами дальних стран, мотивами “Алжирских женщин” француза Делакура; а также “Одалисками” Энгра. На стене висела репродукция “Охотников на привале” Перова. Имелись сорочки, запаски, тканое бельё с вкраплениями украинских орнаментов на рукавах, воротниках и